

СИБИРСКИЙ ТЕКСТ В РОМАНЕ ДИНЫ РУБИНОЙ «СИНДРОМ ПЕТРУШКИ» Иванова А.Н.

*Иванова Александра Николаевна – магистрант,
филологический факультет,
Северо-Восточный федеральный университет, г. Якутск*

Аннотация: в статье анализируется образ острова Сахалин в романе Дины Рубиной «Синдром Петрушки». Рассматривается реализация основных тем сибирского текста. Исследованы художественные приемы, использованные автором.

Ключевые слова: сибирский текст, мифологема, роман, Дина Рубина, Сахалин.

УДК 82.091

В современном литературоведении одним из актуальных направлений является изучение локальных текстов. Началось это направление с исследования городского (Петербургского) текста, а в настоящее время активно изучаются региональные сверткесты, отличающиеся от культурно-семиотического пространства города. Эти отличия определяются географическими, историческими, этнографическими, культурными и иными особенностями региона [5, с. 6].

Пространство Сибири, уникальные особенности которого – периферийность, удаленность от центра, крайне суровый климат, социальные сложности, малолюдность, ссылка, каторга, – обросло мифами и породило «сибирский текст» [3, с. 3].

Ядро мифопоэтического пространства Севера описал еще М.В. Ломоносов: “Российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном”.

Оно дополняется иными смыслами: «край земли», «край света», место гибели, страданий, ссылки, каторги, мучений и гибели. И характеризуется дилеммой «жизнь - смерть». Общим в сибирском тексте является мотив смерти. В жизни на Севере видится смерть (вспомним «Записки из мертвого дома» Ф. М. Достоевского).

Образ далекого острова на Крайнем Севере занимает важное место в романе Дины Рубиной «Синдром Петрушки». На Сахалине родился главный герой Петр Уксусов. Там происходит процесс становления личности, ведь семья и дом являются первым жизненным пространством, который осваивает ребенок.

В романе основная тема - двойничества. Д. Рубина умело использует основную мифологему сибирского текста, «лиминального» перехода, во время которого субъект получает черты двойственности, поскольку не находится ни здесь, ни там. Лиминальной фазой переходного обряда инициации является символическая смерть посвящаемого, посещение страны мертвых В.И. Тюпа охарактеризовал комплекс сибирских мифологем как трансформацию архетипов инициационной обрядности [11, с. 27]. Сибирь - зачастую это каторга, ссылка, реальная либо символическая смерть, которая становится условием духовного возрождения героя.

Актуализация топоса страны мертвых происходит за счет складывающегося ее комплекса образов и мотивов ада, острова, воды, дороги, зимы, ночи, ветра, антидома: «Я нигде не видал столько снега. Он набрасывается и пожирает все на своем пути: скамейки, столбы, подворотни, заборы и крыши, переметает дома и идущие на север составы. Он валит, валит огромными, сбитыми, слепленными воедино кулаками – никаких не снежинок, тут не место привычной зимней идиллии; это похоже на паническое бегство потустороннего войска, на разрушение, на распад самого мира. Он разваливается на куски, этот мир – его небо, его вещественная суть; распадается омертвевшая, оледеневшая гнилая плоть и, подхваченная ураганом, уносится прочь в хаос Вселенной...».

Среди других составляющих мифологем Сибири в тексте «Синдрома Петрушки» Дины Рубиной можно выделить следующие: отчужденность, одиночество, неволя, бездна, пучина, изгнанничество, изоляция, антидом.

Для поэтики гиблого места пейзажно-климатические характеристики выполняли важную роль: их использование в тексте автором не сводится к простому описанию места – они функционально нагружены: через такие повторяющиеся негативные климатические доминанты, как холод, снег, метель, пурга, ветер, передается идея страдания, заточения, изоляции. «В метельной сахалинской неволе». «Я заперт, Борька. Я в плену у метели... Вторые сутки на острове дикая свистопляска обезумевшей снежной стихии».

Лингвистические средства, использованные Д.И. Рубиной в сахалинском тексте, - это лексемы, номинирующие север, а также метафоры и сравнения, их характеризующие.

Используется прием олицетворения снега и других северных природных явлений посредством глагольных предикатов: набрасывается, пожирает, валит, раздирает...

При этом характерно, что Петр Уксусов в редкие радостные минуты вспоминает свою малую родину и с другой стороны: «На дальних холмах разлилось кисельное опаловое озеро, в беспокойном движении которого то обнажался каскад черепичных крыш, то, бликуя окнами, выныривала кукольно-белая группа домов на хвойном темени горы, то разверзлась меж двух туманных склонов извилисто-синяя рана глубокой долины, торопливо затягиваясь таким же длинным жемчужным облаком... Как обычно, это напомнило ему сахалинские сопки, в окружении которых притулился на берегу Татарского пролива его родной городок Томари, Томариора по-японски».

В данном моменте также проявляется мотив двойственности – главный герой родился в городе, имеющем два – японское и русское – названия.

Именно отсюда началось когда-то завладение Сахалина Российской империей. Здесь, в главном пункте острова Томари – Анива 22 сентября 1853 года по повелению императора Николая I был поставлен Российский военный пост и назначен правитель острова, находящийся в политическом отношении под начальством генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева [7, с.1].

В истории Сахалина и города Томариору много драматических моментов двойственности: с 1905 года – почти полвека японской оккупации, потом период двоевластия и советский период.

В Сахалинском эпизоде романа Д. Рубиной сильны Чеховские традиции. В целом, творчество А.П. Чехова значимо для Д.И. Рубиной: «И я доставала томик, а там были письма Чехова. На этих письмах я выросла как личность, даже не как писатель. Сначала были веселые письма – к Лике Мизиновой, к брату Александру, к Левитану, которого он называл Левиафаном, разные забавные случаи вспоминал. Это все было смешно читать. Но потом вдруг я прочитала письмо Лаврову, письмо-отповедь перед отъездом на Сахалин. Это было письмо человека, который вполне мог и не вернуться. Он так и писал: «Я пишу вам, потому что не знаю – вернусь ли я» [2, с. 2].

Острова Сахалин и Сибирь в целом для А.П. Чехова – очищающее сакральное пространство, «страна мертвых», что определяется и личным опытом писателя и сложившейся литературной традицией. В Сибирь, на Сахалин, на самый край земли – и при этом человек движется к своему центру, к себе самому. Мотив богооставленности – богоугодности ярко прослеживается в творчестве писателя, который считал, что Сахалин должен быть местом поклонения.

В своем романе Д.И. Рубина продолжает традиции А.П. Чехова: холод, снег, ветер, ночь являются показателями необжитости, маргинальности пространства Сахалина в особенности и одиночества, отчужденности, оставленности и бездомности жителей.

Во время написания романа «Синдрома Петрушки» Д.И. Рубина ездила во Львов, в Прагу, изучала энциклопедии и другие материалы, посвященные кукольному театру. На Сахалине писателю не удалось побывать, поэтому информацию она собирала из различных источников. Среди прочего, автор состояла в длительной переписке с жителем острова [1, с. 2].

Узнаваемыми являются улицы, здания, сооружения, памятники. «...бумажный комбинат, построенный еще японцами, был ядром, вокруг которого роился городок... Томари – тысяч восемь населения, две школы, больница, пирс, горнолыжная трасса и небольшой лиственный парк с искусственным озером».

Используются топонимы: названия населенных пунктов (Южно-Сахалинск, Томари, Томариора, сахалинские сопки, Татарский пролив и др.).

Пространственные образы составляют дуальные пары. Ландшафтные особенности более всего представлены морем и сушей.

Климатические характеристики выражаются через понятия: снег, ветер, буря, пурга: "А приходилось тебе видеть грозу в метель? Косое лезвие молнии, что раздирает пелену мятущегося снегопада?...Вначале кажется, что это просто короткое замыкание, тем более что в такие часы отключается электричество».

Для северного пейзажа характерны: зима, ночь, холод, лес, безграничность, пустота, скука, печаль, болезнь, сон. В основном описывается зима, снег, и короткое, но яркое лето.

В тексте исследуемого романа встречается одно упоминание о сахалинском лете, о ярком цветении: «В памяти мальчика остались оранжевые в травяном ковре вдоль берега всполохи «саранок» – местных приморских лилий...».

Характеристики света представлены словами: тусклые; темные; всполохи; кинжальный блеск; тлеет; тьма. К примеру: «Я и сейчас сижу с зажженной свечой, в призрачной от снега за окном темной кухне, что скользит в толще слепой метели, как подводная лодка – в какой-нибудь Марракотовой бездне; на столе – книга, и голубые молнии вспыхивают на ее невозмутимых страницах».

Цвета – тусклые, темные, белесый, перламутровый, голубой, багровый.

В описании архитектуры в романе Д. Рубиной характерны противопоставления: «японский Томариору – советский Томари». Советская застройка Сахалина ограничена, однообразна – типовые панельные дома, «малогабаритка в одной из пятиэтажек». При этом с японских времен на острове осталось много красивых, гармоничных северной природе сооружений, типа «старинного, возведенного еще японцами моста. Хмурые и мордатые, широкогрудые гранитные львы сторожили подножия четырех

его колонн». Автор прямо подчеркивает эту разницу: «И само здание Дома творчества тоже было японским, столь непохожим на коробки советских построек: деревянное, со сводчатым потолком и арочными окнами второго этажа».

Выявлен мотив оппозиции реальности духовным устремлениям героя. «На территории комбината, между прочим, были и бассейн, и комнаты отдыха, и даже бильярд». Среди учреждений культуры – Дом детского творчества, где работает не реализовавшийся талантливый художник, грустная и несчастная Катя, мать героя. Можно сказать, что Д. Рубина продолжает традицию А.П. Чехова, создавшего трагический образ сахалинской подневольной женщины, ссыльной, каторжанки.

Мир мальчика, склонного к аутизму, сжимается еще и рамками провинциального мирка. Эта ограниченность приводит к тому, что герой переходит некую границу и углубляется в кукольный Зазеркалье. Ребенок вынужден выстраивать собственное, индивидуальное внутреннее пространство, которое оказывается полностью захваченным кукольным театром.

В романе представлен традиционный для сибирского текста мотив изгнанничества и наказания. Семья Уксусовых оказалась на Севере по вине отца: «...так же нелепо, как из благодатного Львова попал на Сахалин, – через драку». Также он там теряет руку: «А дальше по извечным полозьям беды покатилося: сложная операция в Хабаровске, высокая ампутация, комиссование, и – финита, как сам он любил повторять, Кончита...».

«Мифологема пути» также присутствует в произведении. Образ дороги многослоен и весьма символичен. Перемещения героя, еще мальчика, навстречу своей кукольной жизни происходят с элементом нереальности, на старом поезде, по железной дороге, оставшимся от японцев.

Она дополнена традиционной для сибирского текста мифологемой изоляции, антидома. Д.И. Рубина развивает также тему разделения, потерянного дома, которым является «благословенный Львов»: «Закрыт аэропорт, Сахалин отрезан от материка и замер, погребенный под мегатоннами снега. Вчера вечером заметало так, что освещенные окна дома напротив тлели слабыми светляками...». «До середины девяностых годов посадочная полоса Южно-Сахалинского аэропорта не была приспособлена для приема больших реактивных самолетов. До Хабаровска летали два Ил-18, оттуда – с дозаправкой в Новосибирске или Красноярске – добирались до Москвы. А там – лети куда хочешь. Хоть и во Львов. Возвращение после летних отпусков в конце августа было мучительным: в случае непогоды пассажиры застревают в Хабаровске на несколько суток; ночевали в аэропорту, вповалку на чемоданах и узлах...».

Одним из инструментов воплощения автором смысла произведения является использование в художественном тексте принципов текстов, принадлежащих другим видам искусства. Это и литературно-музыкальная, и литературно-живописная интермедийность. В Сахалинском эпизоде используются образы, мотивы живописи и музыки: "Конец света я всегда представлял себе в грозном обличье здешней вьюги. Суровый сахалинский Босх дирижировал моими детскими снами, в которых я мучительно пытался преодолеть этот вой, этот вихрь, смертельную воронку белой всасывающей пасти».

Среди персонажей сахалинского эпизода романа можно выделить главных: отец, мать, сахалинский учитель-кукольник, Казимир Матвеевич. С образом Казимира Матвеевича, кукольника, «чей нюх натаскан на тусклый чарующий запах инобытия», следопыта «в пожизненной экспедиции, в вечных поисках прорехи в нездешний мир» [9: 113], связан мотив инициации. Он выступает в роли проводника в другую, загадочную, реальность – кукольный мир, соединяющий божественное и дьявольское. Двойственный образ куклы связывает разные планы авторского повествования в романе «Синдром Петрушки». Игрушка, мир детства – и неживой двойник, изображающий человека. Кукла является образом заколдованной души человека, его двойником.

Ю.В. Несынова, отмечая интермедийную аллюзию на имя и отчество Казимира Малевича, создателя знаменитого «Черного квадрата», и литературную аллюзию на «Лесного царя» В.А. Жуковского, указывает: «Таким «черным квадратом» становится в романе мир кукол, сопоставимый благодаря аллюзии на известную балладу Жуковского с царством мертвых, в который унес Петра «Лесной Царь» (так мать перед смертью называет Казимира Матвеевича, жалея, что позволила ему увлечь Петра кукольным театром)» [6, с. 3].

Второстепенных персонажей Д. Рубина создает, продолжая чеховские традиции: «Еще запомнился осужденный за убийство Серега: мужичок лет сорока, с детским неподвижным лицом, пригвожденным ножевым ранением в шею к кряжистому, очень мужскому и грозному телу, который учил отца, как быстро засаливать огромную кету, а вечером у костра рассказывал, как после отсидки шел зимой до рыбного стана километров тридцать по безлюдному берегу моря – без денег, без крошки съестного, с одним ножом за голенищем валенка».

Каторжане, писал А.П. Чехов, тоскуют по родине: «Прежде всего ссыльного гонит из Сахалина его страстная любовь к родине. Послушать каторжных, то какое счастье, какая радость жить у себя на родине! О Сахалине, о здешней земле, людях, деревьях, о климате говорят с презрительным смехом, отвращением и досадой, а в России всё прекрасно и упоительно... Пошли, боже, нужду, болезни, слепоту, немоту и срам от людей, но только приведи помереть дома» [11, с. 344]. Сахалинские

персонажи, влияющие на становление Петра Уксусова - львовяне. Они тоже страдают ностальгией и передали эту болезнь мальчику[4, с. 14].

Земля в «северном тексте» обычно дуальна. Родной северный край вдохновил Петра на создание прекрасной куклы: «Так он назвал одну из лучших своих тростевых кукол – Томариора: нежное бледное лицо, плавный жест, слишком длинные по отношению к маске, тонкие пальцы и фантастическая подвижность узких черных глаз – за счет игры света при скупых поворотах головы... Розовый дым лепестков облетающей сакуры; изящество и завершенность пластической мысли...».

В то же время, герой мечтал о другой, не виданной им, иллюзорной пра-родине: «Город Львов в Петинном воображении – от маминых рассказов, а главное, от милых рисунков пером в ее зашорканном блокнотике – всегда возникал в густой узорчатой гриве не сахалинских, а других, пышнокронных деревьев, в кружении куполов, колоколен, балкончиков с коваными решетками, каменных львов с пожилыми пропитыми лицами, что сидят на задних лапах, передними обхватив щиты гербов. Там тренькающие трамваи плавно огибали статуи на цветочных клумбах... там с круглой высокой колонны слетал к бронзовому Мицкевичу пернатый вестник небес...».

И, оказавшись во Львове, «... Мальчик был очарован, покорён, счастлив: наконец-то он оказался там, где и должно жить людям. Таким и должен быть настоящий кукольный город». Д. Рубина изображает контраст пространства Сахалина свободное, природное: «... из которых открывалась широкая дуга бухты, корабли у пирса и облака, что без конца стремились стечь за ширму горизонта». Во Львовском тексте пространство, усложняется, наполняется красотой, теплом: «...лики и фигуры — эти куклы — были тут везде: на фасадах домов, над брамами и окнами, в основании круглых, как бокал, узорных балкончиков, в нишах, на портиках... ...Театр вырвался на улицу и правил бал». Традиционные паттерны львовского текста - деревья; город - дом; Сад; уют; кофе; карнавал; праздник; красивые женщины.

Таким образом, в романе Дины Рубиной «Синдром Петрушки», мастерски развита тема двойничества, Помимо традиционной дилеммы сибирского текста «жизнь - смерть» присутствуют и другие мотивы. Представлен ряд оппозиций: человек – кукла; родина – изгнание; свобода – изоляция и др., а также продолжены традиции «Сахалинских мотивов» А.П. Чехова.

Список литературы / References

- 1 *Альперина С.* Писатель Дина Рубина о парадоксах жизни и творчества // Российская газета. [Электронный ресурс]. № 5344 (265). Режим доступа: <https://rg.ru/2010/11/24/rubina-poln.html/> (дата обращения: 10.04.2018).
- 2 *Велехов Л.* Дина Рубина: «Эмиграция это очень тяжело. Это твои кишки на асфальте». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.svoboda.org/a/27444730.html/> (дата обращения: 19.04.2018).
- 3 *Галимова Е.Ш.* Северный текст в системе локальных (городских и региональных) свертхтекстов русской литературы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://narfu.ru/ifmk/cen_lab/ntext/files/galimova.pdf/ (дата обращения: 08.04.2018).
- 4 *Зиятдинова Д.Д.* Художественная репрезентация национального мифа в творчестве Д. Рубиной 1990–2010-х гг.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2015. С. 14–13.
- 5 *Меднис Н.Е.* Свертхтексты в русской литературе. НГПУ, 2003. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kniga.websib.ru/text.htm/> (дата обращения: 19.04.2018).
- 6 *Несынова Ю.В.* Мотив кукольности в романе Д. Рубиной «Синдром Петрушки») // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/motiv-kukolnosti-v-romane-d-rubinoj-sindrom-petrushki/> (дата обращения: 11.04.2018).
- 7 *Пономарев С.А.* Остров Сахалин как Российская административная единица в 19-20 веках // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://blogs.citysakh.ru/users/ponomarev?postid=25/> (дата обращения: 12.04.2018).
- 8 *Проваторова О.Н.* «Сахалинские мотивы в рассказе А.А. Чехова «Убийство» // <https://cyberleninka.ru/article/n/sahalinskie-motivy-v-rasskaze-a-p-chehova-ubiystvo/> [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sahalinskie-motivy-v-rasskaze-a-p-chehova-ubiystvo/> (дата обращения: 15.04.2018).
- 9 *Рубина Д.И.* Синдром Петрушки. М.: ЭКСМО, 2010. 432 с.
- 10 *Тюпа В.И.* Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал, 2002. № 1. 120 с.
- 11 *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем. В 30 томах. Т. 14-15. М.: Наука, 1974-1983. 497 с.